Малая родина, светлое имя

Наталья ХАРЛАМПЬЕВА,
народный поэт Якутии

* * *

Малая родина, светлое имя,
Глазу отрада — Маган!
Снова брожу по лугам,
Рощами снова любуюсь твоими.

Воздух на сопке прохладен и сладок.
Здесь и является мысль:
А не отсюда ли ввысь
Сердце моё устремляться так радо?

Дни для побед
здесь рождались над ширью
Радость с рассвета цвела,
Ну, а вечерняя мгла
Звёзды дарила — большие-большие.

Если печаль обнимала за плечи,
То под приглядом небес
Знаю всегда я: здесь
Дышится мне и вольнее, и легче.

Если же тучи вели хороводы,
Закрывая прошлые дни,
Свет не гасили они –
Правда блистала на небе свободы.

Вольный Маган,
моя родина высокая, —
Тихая , нежная и светлоокая...

* * *

Нарисуй мне, внучек мой,
Небосвод над головой,
Солнце белое и звёзды,
Снег летящий ночью поздней.

Нарисуй мне, внучек мой,
Ысыаха рой людской,
День, когда ликуют души,—
Летний, славный, самый лучший!

Нарисуй... Рисуй, мой милый!
Напою я сердце силой.
Посижу с тобою рядом —
Жизнь твоим окину взглядом.

Нарисуй мне что-нибудь —
Озарится светом путь!

Олонхо и жизнь

1.
По благодатным аласам
Вольной срединной земли
Скачут хитрые бесы
И до упаду хохочут.

Боги из верхнего мира
Молча на буйства взирают,
И знают они, похоже,
Судьбы срединной земли.

Жизнь каждодневно стирает
Грань между злом и добром,
Судеб колоду тасует,
Не различая три мира...

2.
Современной Туйарыме

Потерпи немножко, Туйарыма!
Верь себе, самой себе.
А придёт ли Юрюн Уолан...
Он всегда нетороплив.

Да и брат старшой Нюргун Ботур
Что-то задержался, что-то медлит,
Что-то медлит, не придёт никак,
Хоть и смел, и славен,справедлив.

Не мечтай без меры, до истомы,
Не завидуй никогда
Злому и богатому ботуру
И дары не принимай его!

Подлецы — рождают подлецов,
Тьма рождает только тьму.
Ты ведь понимаешь это ясно,
Дева-загляденье Туйарыма?

Не спеши уйти из-под пригляда,
Даст Айыы Умсуур совет.
Удаганка вещая всё видит,
Скажет нужное во сне...

Много их ещё на белом свете,
Выродков без глаз и лиц,
Мало их, ботуров честных,
Смелых маловато... Что ж...

Потерпи немножко, Туйарыма!

3.
Жалею Сорук-Боллура!
Он едет своей тропою,
Ничуть не гордясь собою.
О труде не твердя
Своём.

Всматриваюсь в него я —
Судьба, как ладонь, проста:
Опять он в передвиженье,
Везёт чужое решенье.
Нет в жизни важнее поста!

Приветствую Сорук-Боллура!
Теперь на него надежда:
Он может, погладив коня
И ногу поставив в стремя,
Догонит спесивое время...

4.
О, бесценные мои ботуры!
Хватило бы вам в пути надежды
И ещё — терпения,
В заботах — успеха,
В битве — победы,
В любви — счастья!
И, может быть, тогда
Проклятие
не победит благословения,
И в мире срединном
Восторжествует добро...

* * *

Парень бойкий с норовом под стать
Жизнь мою не стал, корпя, листать,
Мимоходом звонко оценил
И куда-то дальше заспешил.

Я врасплох застигнута была,
А потом, признаюсь, поняла,
Что обиду я могу простить.
Глупо – дуться или, скажем, мстить.

Так изменчив он, грядущий день:
То мерцает, то наводит тень...
Миллион посулов выдаст юным,
Но иное приготовит втуне.

А когда раздумий срок придёт,
Поколенье новое поймёт,
Что судить навскидку о других,
Словно на воде ловить круги.

Кто сегодня боек, дерзок, крут,
Не сочтёт когда-нибудь за труд
К рассужденьям юным снизойти,
Чтоб им собой не застить свет пути?

* * *

Чем же тебя ободрить-то,
лист золотистый мой,
Кончилось щедрое лето, -
маешься сиротой.

Чем же тебя распотешить,
лист золотистый мой,
Дождь заволок поднебесье,
гонит меня домой.

Чем же тебя успокоить,
лист золотистый мой,
Разом нагрянула осень
со своей кутерьмой...

Чем же тебя обнадёжить,
лист золотистый мой,
Осень пройдёт, а сиянье
неразлучно с душой...

* * *

Я, человек наступившего
нового
века
верю, как встарь,
в нерасторжимую связь
тверди земной и светила, и неба,
в согласье исконное их,
верю в добрую связь
человека обычного с виду
с водою, огнём и землёй.
Верю в якутских Айыы –
Пресветлых божеств,
С рожденья по жизни ведущих,
Берущих под чуткий пригляд
И благословенье дающих.
Верю в силу уместного слова,
Острого, будто бы меч,
И соблюдаю обычай заветный
Всегда изъясняться разумно, степенно.
Верю в мудрость народную,
В истинность древних законов,
В доверчивость
Тёплых ладоней вот этих.

* * *

Слова, что весомы,
как молот,
приберегу.
Слова, что остры,
будто меч,
не обнаружу.
Речам, что язвительны,
кратко отвечу.
Врагам, что озлоблены,
притчу оставлю...
И шагом поспешным уйду
по дорогам, не ведомым им,
по высотам, не видимым им,
всё равно не поймут,
всё равно не примут...

*.**

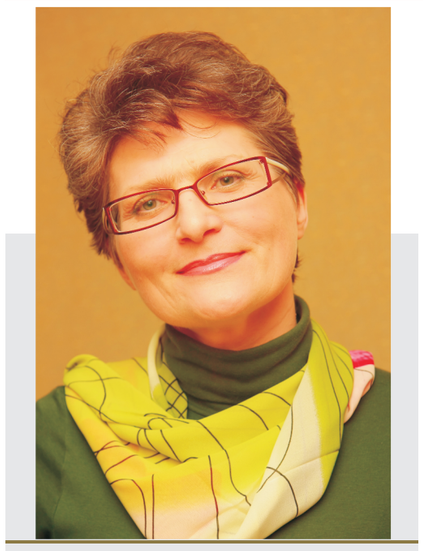
Не обижаюсь, не считаюсь –
Жизнь так ясна, длинна!
Я не люблю, вновь не влюбляюсь.
В том не моя вина.

Мне думать о тебе не нужно –
Жизнь так вольна, пестра!
Но оглянусь и обнаружу
Нас в полночь у костра.

Зачем нас небо сводит снова?
Смыкает вновь зачем?
Не верит, видимо, ни слову,
Что не люблю совсем...

Перевёл с якутского
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

У Вечности на берегу



Ирина ДМИТРИЕВА

Поэт

Есть у поэта чувство правоты.
Да потому что с ветром он на ты,
Который дует в форточку из Трои
И слов ряды в полки ахейцев строит.

Да потому что он на ты с волной:
Солёная, полоскою льняной,
Накатывает, страстным песням вторя,
Когда Сафо ногой ступает в море, —

На лист блокнота в кухне, у плиты.
Да потому что с пылью он на ты —
Из-под копыт. И, конский пот вдыхая,
Глядит, как мчится конница лихая.

Он знает всё — прочувствовал,
прожил.
Везувий лавой из подземных жил
Выплёскивает жар в стихотворенье.
Он помнит даже самый миг творенья.

Хочется жить у моря

Знаешь, хочется жить у моря —
Живу в тумане.
И тоскую — мало мне горя! —
О новом лете.

Там, в Тамани, парус белеет
И бурю манит.
Где пропала? Пишу, болея,
Не о балете.

У Моне в Этрета, Онфлёре,
Трувиль-сюр-Мэре
Всё во свете и лёгком флёре —
И ткань, и снасти.

Не зову я и не жалею...
По нашей вере
Мастер-Слово солнца елеем
Врачует страсти.

Ты не думай, что дело в споре,
Как в том романе.
Просто хочется на просторе,
Не в интернете

Видеть: ветер грот то лелеет,
То рвёт и ранит,
Кадмий чинит лимонным клеем
Лоскутья эти.

Не рассказывай мне историй
О страшном звере!
Говоришь: жутко жить у моря
Стозевной пасти,

Но любовь от тоски мелеет
В какой-то мере...
Только сделать меня смелее
В твоей ли власти?

Слова на песке

У Вечности на берегу,
Над пропастью во ржи
Леплю — души не берегу —
Песочные коржи.

Могу ль жить миру вопреки
И не нажить врагов?
Не хочет из моей руки —
Песочных пирогов!

И гибнет дом мой — на песке —
Торопит бабий век.
И сыплет мне в глаза песок
Песочный человек.

* * *
М.Ю.Л.

Ночь тиха. Брехливые машины,
Грязный двор... Одна я. Выхожу...
Но дороги той не нахожу.
Где они — заветные вершины?

Где тот путь? Какая хлябь и слякоть!
Рифмы граф или метафор князь
Слов мостки мне бросил
прямо в грязь...
Так скажи, о чём еще поплакать?

Как под грузом лжи надежды гнутся!
Жаль былого, будущего жаль.
Ты накинь на плечи утра шаль.
Не заснуть желаю, а проснуться.

Чтобы прямо в смеженные веки
Про любовь мне сладкий голос пел.
Чтобы плод смоковницы поспел.
Чтобы ночь закончилась навеки.

Да

Невозвратимость, несбыточность,
неизбежность —
Так говорил Владимир Набоков
в «Даре» —
Тройная формула бытия.
Но не моего же!
Не отрицаю:
Неаполь, неясыть, нежность...
Прочее — «да». Ударники бьют, в ударе,
В стёклышки барабанов.
Отчаиваться негоже.

Всё возвращается —
я возвращаюсь, Отче!
В молодость, старость,
детство, утробу... Дома!
Вот и сбылось речённое.
Как это не похоже
На то, что даром троянским
давило ночью.
Сбываюсь, дланью духовника ведома.
Избежать неизбежного —
всё же возможно, Боже?

Предпоследние времена

Сегодня все мы рабовладельцы —
Патриции и патрицианки.
В слугах — технические «умельцы»,
Питаемся из консервной банки,
Зрелища ценим, не жнём, не сеем,
В кострищах не разжигаем угли,
Путаем мытаря с фарисеем,
Голосом Слово в айфоне гуглим.
Время наше — шагреневая кожа.
Святая Чаша — что миф Грааля.
Любовь – занятие. Жизнь похожа
На игру, которую проиграли.

Богатство

Выну добро своё и разложу на колене.
Вот оно: тусклое стёклышко зависти,
лоскут лени,
Клочья тоски, гнева уголь,
отчаяния верёвка...
Пёстрая бусина радости — я воровка!

Времени рвань — ночи, минуты, века.
С фонарём среди бела дня
ищу человека
В себе. А нахожу
(видно, напрасен труд)
Камень тяжёлый — боль свою —
изумруд.

И не смотри так сочувственно.
Мне доныне
В памяти плоть вонзается
гвоздь гордыни.
Знаешь, ладонь от тяжести
лишь окрепла.
Что там? Любовь моя — горстка пепла.

* * *
Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха...
Анна Ахматова

Настоящая нежность тиха,
радость — тоже.
Счастье шарфом перехватывает горло:
тише!
Шею кутаю. Голос глубже стал,
жест — строже.
Каждое слово-выдох,
как откровенье свыше:

В строчках своих различаю себя.
Быть может,
Здесь та,
что под чужими прячется именами,
Шепчет, улыбаясь зрачками:
«Боже, Боже!»,
Птицам ладошки протягивает
с семенами,

Так в зеркалах отражается непохоже,
В снах тревожных
блаженством нездешним дышит.
«Её и позвать не смеешь!» —
жмётся к дождю прохожий.
Кому не страшно, зовёт: «Ириша».

Она обернётся, помашет.
В рифму сложит
Всё, что случается, как чудо,
со всеми нами—
Вздох софы, шорох одежд,
пряный запах кожи —
Что окажется лучшими временами.

Жара

Крылья чаек накрахмалены,
белоснежны,
словно воротнички сорочек
чужого мужа.
Бессильный ветер
воздух шевелит нежно,
жуки над вялою жимолостью кружат.
Отутюжено,
как в лучших домах Парижа,
Небо — ни складочки, ни морщинки:
на постели
простыни, выцветшие на солнце. Ниже
озеро скатерть вылинявшую стелет.
Плоть подвижная теплее моего тела.
В его отраженьях жить —
вот была бы квартира!
Миру нет до меня никакого дела.
Мне — до мира.

* * *

Закат мёдом стекает с широкой тучи.
Жизнь никогда никого ничему не учит.
Слоняюсь по даче,
как по миру Вечный Жид,
Дрожу. Небосвод на ветру дрожит —

Свет преломляется
сквозь линзу моей печали.
Что вы, чёрные вороны, прокричали?
Где-то рядом шатается Агасфер,
Слыша шёпот-шипенье
небесных сфер.

Но ведь это я трёхдольной колодкой —
в Бога!
Вечность?
Господи, кажется, слишком строго.
Бьёмся с тенью,
из пушки по воробьям палим.
И не можем войти в Иерусалим.

Я, ломая размеры и стопы руша,
На колодке стиха распластаю душу,
Вымоченную слезами,
выскобленную виной.
Мир кончается... вместе со мной.

В Пятигорске

Как странно:
ноябрём в листве старуха ива
Качает на ветру
густой роскошной гривой
Игриво, словно жить торопится сама.
На родине моей давно уже зима.

Просунул ветку тополь
(едва зелёный в теле)
Сквозь пальцы голубые
насупившейся ели.
Небритый горный склон
весь зеленью заросс.
На родине моей давно уже мороз.

Тут утро на глазах рождается в крови.
Луч алый из-за гор — призывом:
«Разорви
Ночей полярных мрак!
Тьму сердца одолей!»
Но ждёт меня судьба на родине моей.

Возле Лермонтова

На склонах гор аллеек горстка.
Паров земных вдыхая мякоть,
Тону в тумане Пятигорска.
Хурмы оранжевая слякоть
Под языком. А в горле пламя.
Тушу кавказским виноградом,
Сухим вином (ни слова маме!).
Подруга рядом.

И Лермонтов. Но я поэта
В его местах не навестила.
Там, где гуляли сливки света,
Сегодня ряженка от силы.
Как книжку, время приоткрою,
Но сквозняком захлопнет двери.
За ними он, его герои.
И зонтик Мэри.

Весенний Якутск

Весенний Якутск непригляден,
как будто красотка
В сапожках модельных,
но грязных и рваных колготках.
Не радует даже тепло
после длительной стужи.
Ведь солнце целует и скулы,
и жирные лужи.
Не брезгует – мусор ласкает,
окурки, собачку.
А лёд под ногой
норовит уронить и запачкать.
О, как же мне хочется чистого...
нет – не искусства –
Асфальта и воздуха, взгляда и слова...
и чувства.